

Глава 3

Линь Ци принадлежал к последнему поколению генно-синтезированных людей.

Говорили, что в стародавние времена такие, как он, были лишь бездушными инструментами для тяжелого труда, лишенными даже крупицы духовной силы. Но сто лет назад в Альянсе вспыхнула великая реформа: появился синтетик, обладавший беспрецедентной мощью духа, и его пробуждение отозвалось в каждом искусственно созданном человеке.

В тот момент он мирно спал в своем инкубаторе, осваивая базу данных «Домашнее хозяйство». Обучение прервал резкий треск — его капсула просто лопнула.

После тех событий Альянс запретил создание новых генных синтетиков. Последняя партия, в которую входил и юноша, получила те же права, что и обычные люди: они учились, сдавали экзамены и устраивались на работу.

И хотя внешне и ментально синтетики ничем не отличались от рожденных естественным путем, «натуралы» всё равно безошибочно их узнавали. Все в один голос твердили, что от искусственных людей исходит особый, ни на что не похожий аромат. Сам адепт, сколько ни принимался к себе или собратьям, ничего подобного не замечал.

О какой-то явной дискриминации речи не шло, но общество разделилось само собой: две группы существовали параллельно, предпочитая возвращаться в своих кругах.

В школьные годы у него почти не было друзей. Причина была проста — в учебных заведениях его вида было слишком мало.

Впрочем, парня это никогда не задевало. Должно быть, в его генотип изначально заложили изрядную долю миролюбия: он редко испытывал сильные эмоции. Линь Ци прилежно учился, блестяще сдавал тесты и в итоге получил отличную должность. На романтику у него не оставалось ни времени, ни, честно говоря, желания — подобные мысли просто не посещали его голову.

Именно поэтому, когда система вывалила перед ним «учебные пособия», юноша почувствовал себя так, будто его подхватил ураган и нещадно швыряет из стороны в сторону.

«Зачем... зачем мне это читать?!»

«Рано или поздно пригодится», — ворчливо, словно умудренный годами старик, отозвалась система.

Линь Ци решил, что стопроцентный уровень симпатии главного героя ввел помощницу в заблуждение, и попытался объяснить:

«Мы с Ду Чэнъином — просто хорошие друзья. Всё совсем не так, как ты думаешь. По сюжету у него должна быть целая орава прекрасных поклонниц»

«О», — невозмутимо отозвалась система.

В этом коротком звуке Линь Ци почувствовал такое неприкрытое пренебрежение, что даже не нашелся с ответом.

Разве стопроцентная симпатия обязана означать любовь? Это вполне может быть крепкая дружба или братская привязанность. К тому же в сценарии Ду Чэнъина дождалось множество девушек, так с какой стати ему вступить в эмоциональные дебри с обычным парнем?

Более того, система упоминала о стопроцентном уровне почернения протагониста, но Линь Ци в упор не видел в герое ни капли тьмы. Тот стал даже более жизнерадостным и улыбчивым, чем раньше.

Линь Ци решил принимать советы этой строптивой системы с большой долей скепсиса.

Он закрыл сомнительные материалы и погрузился в созерцательное ожидание: скоро должны были явиться мастера горы Лунной Росы, чтобы отобрать себе учеников.

Попасть в один орден с Ду Чэнъином было бы неплохо — это избавило бы от лишней беготни между пиками. Вот только оставалось неясным, сохранятся ли прежние сюжетные повороты с «эффектным посрамлением врагов». Линь Ци решил уточнить этот момент.

«Некоторые вещи неотвратимы», — многозначительно ответила система.

Линь Ци немного успокоился. Если бы он только знал, что под «неотвратимыми вещами» система подразумевает вовсе не каноничные события, он бы... непременно засел за изучение присланных манускриптов.

Солнце поднялось в зенит. Белый туман у подножия лестницы начал медленно рассеиваться, а магические талисманы, парящие в воздухе, утратили силу и опали. Линь Ци, до этого совершенно не по-чиновничьи сидевший на ступеньке, поспешно вскочил. Вместе с остальными адептами он склонился в глубоком поклоне и замер, опустив голову.

Сверху обрушилась мощная, подавляющая аура.

Юноша понял: прибыли Совершенные Мастера.

Мироустройство этого заклинательского края было простым и прямолинейным. Орден горы Лунной Росы правил всеми, а четыре мастера были его столпами. У каждого имелась своя специализация, свой неповторимый нрав, и судьба каждого была тесно переплетена с путем Ду Чэнъина к божественному величию.

Совершенный Мастер Саньюэ был таким же «невидимкой», как и сам Линь Ци. Адепт помнил, что Саньюэ даже не соизволил явиться на церемонию лично, отправив вместо себя старшего ученика. За всё время повествования он появлялся лишь мельком.

Совершенная Мастерница Юаньюй была единственной женщиной среди них. Величайшая из мастеров меча, она обладала вспыльчивым нравом и не терпела несправедливости. Ослепительно красивая и запредельно гордая, она поначалу презирала Ду Чэнъина за отсутствие духовных семян, но позже, ослепленная его сиянием, вручила герою созданный ею же Меч Небесной Судьбы.

Линь Ци небезосновательно подозревал, что она была одной из претенденток в гарем Ду Чэнъина. Наставница-красавица — излюбленный троп в историях для мужской аудитории.

Совершенный Мастер Гуйлянь был старейшим из четверки. Виртуоз в начертании талисманов, он появлялся и исчезал подобно тени. Он многому научил Ду Чэнъина в искусстве самосовершенствования и стал для него одним из главных духовных наставников.

И наконец — Совершенный Мастер Баошу, знаток алхимии и ядов. По совместительству — тот самый «папаша-подлец», который бросил жену и сына. В первой половине истории он появлялся чаще других, постоянно строил козни Ду Чэнъину и раз за разом оказывался в дураках, служа главным антагонистом вплоть до самой смерти Линь Ци.

О том, что происходило в сюжете дальше, Линь Ци имел лишь смутное представление.

Сверху на толпу адептов устремились оценивающие взгляды. Линь Ци сохранял спокойствие: по канону его должен был забрать Сяо Мо, старший соученик из свиты Саньюэ. Клань Сяо и Линь оба происходили из Хуаюаня, так что за Линь Ци — посредственного по всем статьям — замолвили словечко, обеспечив ему проход через «черный ход».

Однако, учитывая масштабные перемены в мировой линии, юноша уже не был уверен, примет ли его орден Саньюэ.

Опознавательные знаки мастеров — символы их воли — начали медленно опускаться, касаясь лбов избранных учеников. Те, на кого пал выбор, с восторгом поднимали головы и спешили занять места за спинами своих новых наставников.

Число адептов на лестнице таяло, и Линь Ци начал невольно беспокоиться. К счастью, он до сих пор не слышал, чтобы кто-то присягнул Мастеру Саньюэ.

Значит, Сяо Мо еще не сделал свой ход.

Линь Ци стоял, понутив голову, и чувствовал, как ладони становятся влажными от напряжения.

— Чэнъин, — раздался мелодичный женский голос, в котором слышалась легкая усмешка. — Почему ты не выбираешь людей для своего наставника?

У Линь Ци едва не лопнули перепонки.

«Чэнъин?!»

Ему до смерти хотелось взглянуть наверх, но сейчас это было бы слишком вызывающе.

«Система, это что, Ду Чэнъин выбирает учеников для Саньюэ?»

«Ну да, — ответила та. — Не парься, он точно выберет тебя»

Слова системы не принесли облегчения. Её слишком уверенный и буднично-тон, напротив, заставил юношу почувствовать неладное.

И точно — послышался голос Ду Чэнъина. Он звучал смиренно и мягко, в нем даже угадывалась улыбка:

— Разумеется, я жду, когда уважаемые мастера сделают свой выбор.

— Саньюэ несказанно повезло — встретить такого способного ученика прямо у порога, — промолвил Совершенный Мастер Гуйлянь, поглаживая длинную белую бороду и с одобрением глядя на Ду Чэнъина. — Будь моя воля, я бы больше никого и не брал. Одного тебя, Чэнъин, вполне достаточно.

Ду Чэнъин лишь скромно улыбнулся:

— Вы слишком добры ко мне, мастер.

Получается, герой не просто раньше времени попал на гору и стал учеником Саньюэ, но уже успел снискать себе добрую славу. Переродившийся главный герой из мира мужских новелл мгновенно выкрутил настройки удачи на максимум.

«И зачем при таком раскладе нужен я — обычный инструментальный персонаж?»

Доселе молчавший Совершенный Мастер Баошу внезапно подал голос:

— Всё основное уже разобрали. Здесь не осталось ничего стоящего.

У нескольких учеников, которых еще не выбрали, на лицах отразилось глубокое унижение. Линь Ци, верный своему амплуа, тоже старательно нахмурился.

— Мастера, вы можете возвращаться к отдыху, — спокойно произнес Ду Чэнъин. — Остальное я улажу сам.

Юаньюй и Гуйлянь, улыбнувшись, велели ему не беспокоиться. Баошу же даже не удостоил его ответом. Трое мастеров развернулись и в сопровождении новобранцев покинули лестницу.

Ду Чэнъин облегченно выдохнул и устремил взгляд на фигуру в бледно-голубых одеждах, стоящую в толпе. Он вскинул руку, посылая символ Совершенного Мастера Саньюэ вниз, но в тот же миг ярко-зеленый лист, пущенный с невероятной силой, с резким звоном сбил этот символ в сторону.

Звук удара раздался прямо перед лицом Линь Ци. Юноша поднял голову и увидел, что Совершенный Мастер Баошу, только что ушедший, вернулся. Он зажал между пальцами еще несколько зеленых листьев и со злой усмешкой смотрел на Ду Чэнъина.

Несмотря на родство, отец и сын не имели между собой ничего общего. Лицо Баошу было по-своему красивым, но в нем читались меланхолия и груз прожитых лет. Ду Чэнъин же обладал ослепительной красотой, словно сошел с картины. Баошу с первого дня возненавидел сына: хотя и принял его в ученики в прошлой жизни, но не выказывал ни грамма отеческой любви, постоянно изнуряя его и при любой возможности нанося подлые удары.

Линь Ци вспомнил, как в оригинальном сюжете Баошу забрал сына к себе. Ду Чэнъин тогда был лишен духовных сил и прошел через неисчислимые страдания, что дало Линь Ци возможность закрыть множество рабочих узлов.

Судя по всему, даже после перерождения отношения между отцом и сыном оставались натянутыми до предела. Линь Ци внутренне возликовал:

«Слава богу, задачи всё еще можно будет выполнять!»

Ду Чэнъин и бровью не повел.

— Совершенный Мастер, что это значит?

Баошу мельком взглянул на Линь Ци и бросил:

— Я беру его в ученики.

Линь Ци замер.

«Нет... не может быть!»

Ду Чэнъин предвидел, что отец станет ему противостоять, поэтому намеренно выждал, пока мастера заберут лучших, надеясь забрать Линь Ци без шума. Но он не ожидал, что Баошу окажется настолько мелочным и вернется, чтобы сорвать его планы.

Ду Чэнъин ни за что не мог позволить Линь Ци попасть в руки Баошу. Он слишком хорошо знал, насколько жестоки методы отца — такой, как Линь Ци, просто не выдержит подобного обращения.

— Совершенный Мастер, мой наставник лично поручил мне забрать этого адепта, — Ду Чэнъин попытался прикрыться авторитетом Саньюэ.

Баошу, однако, не собирался отступить.

— А я его перехватил, — небрежно бросил он. Заявить о том, что ты уводишь ученика из-под носа у соратника по ордену, и не выказать при этом ни капли стыда — такое мог позволить себе только главный злодей первой половины истории.

Понимая, что простыми уговорами дело не решится, Ду Чэнъин решил усилить давление:

— Этот человек родом из Хуаюаня и имеет связи с несколькими нашими братьями.

— Раз уж он ступил на гору Лунной Росы, какая разница, из какой он ветви? — отрезал Баошу.
— Устраивать здесь клановые междусобойчики... Слыханное ли дело? Какое непотребство.

Терпение Ду Чэнъина было не безграничным. Он всё еще улыбался, но взгляд его стал ледяным.

— Значит, вы твердо решили соперничать со мной из-за него, мастер?

Он произнес это тихим, почтительным тоном, как и подобает младшему. Но от этого голоса у всех присутствующих, кроме Баошу и Линь Ци, по спинам пробежали мурашки.

Линь Ци же был предельно собран.

«Система, есть новые задачи?»

«Тебе лишь бы задачи щелкать! — отозвалась система с явным раздражением. — Не видишь — тут такая сцена ревности разыгрывается!»

«Не используй слова, значения которых не знаешь. Это не ревность, а противостояние»

Совершенный Мастер Баошу, разумеется, не собирался пасовать перед каким-то дерзким новичком.

— И что с того? — вызывающе спросил он.

Линь Ци почувал, что дело идет к драке. Вот-вот должен был сработать триггер, после которого герой эффектно поставит злодея на место. В этот момент в нем проснулось всё его естество инструментального персонажа.

В подобных сценах, где сталкиваются протагонист и антагонист, у таких, как он, обычно две функции: отвлекать на себя гнев врага или мешаться под ногами. А в идеале — делать и то, и другое одновременно.

— Позвольте мне сказать слово, — звучно произнес Линь Ци.

Баошу и Ду Чэнъин одновременно обернулись. Взгляд одного был ледяным и мрачным, другого — теплым и полным тревоги.

— Я глубоко признателен Совершенному Мастеру Баошу за внимание, — спокойно продолжил Линь Ци, — но я всё же желаю стать учеником Совершенного Мастера Саньюэ.

Лицо Ду Чэнъина тут же просветлело, он не смог скрыть радости. Баошу же пришел в ярость:

— Мои решения не обсуждаются какими-то сопляками!

Зеленый лист со свистом сорвался с его пальцев. Баошу, верный своему характеру, не желал больше тратить слова и решил просто проучить Ду Чэнъина.

Удар был молниеносным. Линь Ци, собиравшийся было броситься вперед, чтобы принять удар на себя, даже не успел дернуться. Он лишь увидел, как Ду Чэнъин, издав глухой стон, рухнул с лестницы.

Герой эффектно перекатился несколько раз и замер прямо у ног Линь Ци. Тот поспешно склонился над ним:

— Друг Ду!

А затем, вскинув голову, в гневе выпалил:

— Совершенный Мастер, как вы можете так попирать достоинство других, пользуясь своей силой?!

«Слишком быстро! Я даже задачу провалил!» — сокрушался он про себя.

Ду Чэнъин крепко сжал руку Линь Ци, словно боясь, что тот сгоряча бросится на Баошу.

— Со мной всё в порядке... — прошептал он с мертвенно-бледным лицом.

На самом деле он действительно был цел. Заметив атаку отца, он заранее применил технику уклонения, а сейчас просто притворился, заблокировав течение внутренней энергии.

Линь Ци смотрел на него сверху вниз, и в голове его роились странные мысли. Роли определенно поменялись: это он должен был лежать на земле, а Ду Чэнъин — в ярости пробуждать в себе скрытые силы. А теперь... как ему в этом участвовать?

Линь Ци тщетно пытался подобрать нужные слова, но в итоге просто стоял и смотрел на друга с выражением глубокой скорби.

К счастью, Баошу перехватил инициативу. Он презрительно хмыкнул:

— Какая трогательная картина. Истинная пара неразлучников в беде.

«Еще один любитель неуместных метафор!»

Ду Чэнъин повернулся к отцу и с горечью произнес:

— Зачем вы так упорно пытаетесь нас разлучить?

Линь Ци слушал это и чувствовал, как ситуация окончательно выходит из-под контроля. Рука в месте, где ее сжимал Ду Чэнъин, начала гореть. Герой и его отец так увлеклись своей словесной перепалкой, что адепт не находил ни малейшей лазейки, чтобы вставить хоть слово.

«Хочешь посмотреть „Супер-спринт“?» — внезапно предложила система.

«...»

«Там как раз утешительный заезд начался, — вкрадчиво продолжала помощница. — Участник

под номером 017 выходит на старт. Неужели пропустишь?»

Линь Ци, собрав в кулак всю свою волю, твердо ответил:

«Нет»

«Но 017-й уже на позиции!» — не унималась система.

Юноша замялся на долю секунды, но в итоге выдавил:

«...Нет!»

Он поклялся себе, что рано или поздно добьется замены этой системы, которая умудрялась мешаться под ногами и отвлекать на себя внимание лучше любого инструментального персонажа.

<http://bllate.org/book/15815/1422176>